

Не нужно было тратить все силы на угадывание его мыслей, не нужно было из последних сил вымалывать его благосклонность. С А Чжи всё было иначе — видя его улыбку, можно было без всяких опасений радоваться от всего сердца, видя его злость — тоже находить это милым. Даже если каждый день он бил и ругал, всё вокруг казалось пронизанным сладостью.

Я... я тогда...

Если бы я тогда знал, насколько прекрасно то, чем я изначально обладал.

Если бы всё можно было вернуть к моменту нашей первой встречи, начать заново.

В сердце Се Люя дрогнула горечь, но на лице не отразилось ничего, лишь широко раскинув руки, он сияюще улыбнулся:

— А Чжи, скорее смотри! Здесь ведь красиво, правда?

— Смотри, вот это — камелия, а вон то — хлопковое дерево, обвивает его сверху — кампсис, а то высокое — шелковое дерево, внутри ещё много всего! Давай, пойдём со мной! Я тебе всё покажу!

С этими словами он потянул за руку Мужун Чжи, желая провести его и показать всё, но Мужун Чжи сам дёрнул его назад.

— Зачем ты так... заставляешь себя улыбаться передо мной?

— Я? Заставляю себя улыбаться?

— Угу, — кивнул Мужун Чжи. — Только что ты выглядел очень подавленным, но жёстко подавил это. О чём ты подумал? Если не против, можешь сказать мне?

Мужун Чжи думал лишь о том, что Се Люй, увидев эти цветущие деревья, распускающиеся цветы, ясное небо и летящие облака, возможно, вспомнил о себе самом — словно догорающая лампада, о том, что в будущем ему уже не суждено увидеть эту далёкую весеннюю красоту, отчего и нахлынула грусть.

Но он лишь услышал, как Се Люй, качая головой, отрицает:

— О чём ты говоришь? А Чжи, ты, наверное, ошибся? Разве могу я грустить, когда я с тобой в таком прекрасном месте, где укрывают друг друга морозостойкие яблони и летят опадающие лепестки? У меня сердце трепещет от счастья, некогда грустить!

— ...Правда?

— Конечно!

Видя, что Мужун Чжи всё ещё полуверит-полусомневается, Се Люй просто с хитрой улыбкой втянул его в свои объятия. Изначально это была шутка, но в момент, когда он полностью обнял его, в месте, невидимом для Мужун Чжи, глядя на расстилающееся перед глазами великолепие, на его лице мелькнуло потерянное выражение.

— Как же хорошо, что можно вот так, с тобой, А Чжи, любоваться этой красотой.

Он медленно опустил голову на плечо Мужун Чжи, слегка сжал руки и тихо проговорил.

Очень хорошо.

Жаль только, что я понял это слишком поздно.

На мгновение пышные цветы долины в его глазах потускнели, пролетающих ласточек в ясном небе лень было разглядывать. Зелёная тень, словно полог, благородный муж рядом — но всё это великолепие человеческого мира не могло затмить внезапно нахлынувшей в сердце Се Люя печали и тоски.

Если бы только всё могло навечно застыть в этот миг, с этого момента никогда не расставаться.

Слёзы воска не падают, яркие краски не тускнеют, годы медленно не уходят, из жизни в жизнь встречаться в радости.

Через несколько десятилетий рядом с А Чжи по-прежнему будет лежать тот, кого он хочет пнуть от злости — он сам. Сам, уже ставший стариком, всё ещё сможет тёплыми объятиями обнимать его, никогда не давая ему оставаться в холодном доме, под холодным одеялом, просыпаться в долгую ночь в одиночестве и лишь холодно встречаться с одинокой тенью яркой луны.

...

Открыв слегка покрасневшие глаза, Се Люй увидел, что у входа в долину вспорхнули испуганные птицы, а Ся Даньси, подталкивая Тан Цзи, стояли оба с удивлёнными лицами.

— Э-э...

А он всё ещё крепко обнимал Мужун Чжи.

А Мужун Чжи стоял к тем двое спиной и ничего не знал.

Если бы сейчас объяснить, что он просто случайно упал и так удачно угодил в объятия Мужун Чжи, и поэтому они обнялись, пройдёт ли это?

* * *

После полуденной трапезы Е Пу сопровождал Мужун Чжи, чтобы помочь третьей госпоже принарядиться и надеть свадебное платье.

Се Люя же Ся Даньси с самого утра до сих пор смотрел на него странным взглядом, словно на монстра или демона, и этот взгляд содержал, казалось, десять тысяч слов.

— Кхе... Ещё когда неуч учился читать книги в столице, ходили слухи среди простонародья, что великий генерал Се и его высочество князь Нин... поддерживают не совсем обычные отношения. Даже поговаривали, что та мелодия Красная фасоль, что князь Нин сочинил, была написана как раз для великого генерала. Неуч тогда... отказывался верить.

— Кто бы мог подумать, что теперь, приехав в провинцию Юньшэн, я узнал, что генерал, кхе-кхе... на самом деле питает столь изысканный интерес. Генерал, несомненно, необычный человек и высокий муж, куда ни пойдёт — красная красавица... кхе-кхе, синий друг — везде найдёт. Даже господин дворца Мужун с Снежной горы, не интересующийся мирскими делами, смог... Кхе, как же хороши связи у генерала, я искренне восхищаюсь, восхищаюсь.

Говоря восхищаясь, Ся Даньси в душе ненавидел себя за то, что в те годы был так невнимателен и упустил прекрасную возможность. Просто сокрушался о прошлом!

Великий генерал Се Люй на самом деле любит мужчин! Такая большая зацепка! Если бы тогда немного глубже изучили слухи среди простонародья, нашли реальные доказательства его неясных отношений с князем Нин и доложили императору, они бы уже давно свалили князя Нина!

— Недоразумение, недоразумение, — мог лишь деланно смеяться в ответ Се Люй, чувствуя себя как на иголках.

К счастью, вскоре этого жениха, господина Ся, служанки потащили примеривать одежду, и в зале остались лишь Се Люй и Тан Цзи. Лёгкий ветерок шелестел занавесками. Оба в зале молчали, атмосфера внезапно стала ещё более неловкой.

Спустя некоторое время Тан Цзи вздохнул:

— Все эти дни повсюду видно, как генерал Се заботится о Мужуне, а Мужун также очень беспокоится о генерале. Вообще-то, мне следовало догадаться раньше.

Эй, Се Люй! Великий генерал Чжэньюань! Да соберись же ты хоть немного!

В этот момент Се Люй по непонятной причине в глубине души чувствовал сильную неловкость и невольно кричал себе самому.

В конце концов, это не ты отнял у него человека, в сущности, Мужун Чжи изначально твой, скорее, этот Тан Цзи влез между вами позже. Ты ещё делаешь ему поблажку, не требуя с него счёт, так чего же ты тут самокопанием занимаешься?

Более того, хотя история между мной и А Чжи по неосторожности стала известна Ся Даньси, и если он доложит об этом князю Чэну, неизвестно, вспомнит ли когда-нибудь в будущем этот узколобый князь, ненавидящий меня до костей, и не полезет ли тогда во Дворец Внимающих Снегу создавать проблемы Мужун Чжи.

Но, если честно, что Тан Цзи увидел это — для меня же не плохо, правда?

Пусть знает, что у А Чжи уже есть свой человек, оставит эту надежду и с этого момента не будет со мной соперничать за Мужун Чжи. Отлично же!

— В те дни, когда вы были отравлены, Мужун не мог ни есть, ни спать, день и ночь сидел у вашей кровати, сгорая от беспокойства, и заботился о вас с величайшей тщательностью — каждый день обтирал тело, постоянно наблюдал и обнимал, боясь, как бы вы не пошевелились, не ударились, как бы кто-то снова не пришёл причинить вам вред.

— ...

— Генерал знает, я раньше, будучи ранен, какое-то время жил во Дворце Внимающих Снегу. Тогда в спальне Мужуна, на сундуке у кровати, всегда лежала грудка яркой одежды, аксессуаров и мечей с оружием. На вопрос, что это, он отвечал, что вынес для стирки и чистки. Но, выстирав и почистив, он всегда убирал их обратно, никогда не носил и не использовал.

— Я тогда удивлялся, думал, Мужун всегда одевается в простые цвета и использует только свой

любимый клинок Снежный Клинок. Кому же принадлежали те предметы одежды и мечи, которые не соответствовали его обычным предпочтениям...

— Даже османтусовые пирожные во Дворце Внимающих Снегу... тоже так. Я ни разу не видел, чтобы он их ел, думал, он бережёт и не решается. Но оказалось... все эти вещи он просто хранил там, глядя на них, вспоминал человека.

Вечерние лучи заходящего солнца за окном падали на половину лица Тан Цзи, и на его губах появилась горькая улыбка.

— ...Как хорошо. Генерал Се, ваши человеческие качества, талант, красота, великие достижения и заслуги давно восхваляются всей страной, и ещё вы удостоились такой преданной любви Мужуна. Это действительно... вызывает зависть.

— А вы, генерал Се, всегда лелеяли и оберегали Мужуна, дорожили и любили его. Тан полагает, что в этом мире, наверное, нет другого человека... который относился бы к нему лучше вас, больше подходил бы, чтобы быть рядом с Мужуном. В дальнейшем, когда Мужун вернётся с генералом на Снежную гору, всё одиночество и страдания, что он перенёс прежде, в оставшейся жизни... полностью полагается на генерала восполнить их за него.

Тан Цзи очень искренне смотрел на Се Люя, с лёгкой улыбкой в уголках губ, но в глазах была лёгкая дымка.

Тан Цзи очень искренне смотрел на Се Люя, с лёгкой улыбкой в уголках губ, но в глазах была лёгкая дымка.

— Пожалуйста, генерал, обязательно... хорошо заботьтесь о Мужуне.

— Мужун он... очень несчастен. Хотя в конце концов он дождался возвращения генерала, но те времена, что он ждал генерала, он прожил очень плохо. Генерал, в этой жизни ни в коем случае не обманите его ожиданий. Тан Цзи... от имени господина дворца Мужуна благодарит генерала.

...

— Я.

Ты и правда... ничего не знаешь.

В сердце Се Люя смешались все чувства. Разве он дождался меня? Если бы это было так, если бы всё было так, как ты думаешь, если бы в те годы я лишь сражался за страну и не мог вернуться домой, и наконец, умиротворив Поднебесную, с триумфом вернулся на родину, чтобы до старости наслаждаться счастьем с верной возлюбленной, вот это было бы хорошо!

Я же лишь потому, что нарушил обещание, стыдился безликим вернуться на Снежную гору.

<http://bllate.org/book/15612/1393974>